

РАЗДЕЛ II.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-15-28

ТИПОЛОГИЯ УБИЙЦ

Антонян Ю.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье освещаются криминологические, социальные и психологические аспекты дезадаптации лиц, совершивших убийство. Обосновывается актуальность типологизации данной категории преступников. Предлагается авторская типология лиц, осуждённых за убийство; раскрываются их психологические особенности; акцентируется внимание на мотивах преступников каждого типа и мотивации совершённых ими преступлений. Проводятся аналогии с реальными персоналиями и литературными героями. Подчёркивается практическое значение данной типологии для расследования преступлений, построения следственных версий и тактики допроса, правильной классификации преступлений, определения наказания, а также проведения индивидуальной работы с осуждёнными, совершившими убийство, в период отбывания ими наказания.

Ключевые слова: преступление, убийство, убийцы, личность, мотивы, типология, типы личности, осуждённые.

THE TYPOLOGY OF MURDERERS

Yu. Antonyan

*Moscow State Regional University
10 A, Radio street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers criminological, social and psychological aspects of murderers' disadaptation substantiating the relevance of their typology. The typology of murders suggested by the author of the article is based on psychological features and criminal motives of each type. The analogies are made with both real people and fiction characters. The typology can be of practical value in investigating crimes, building investigative leads and questioning techniques,

© Антонян Ю. М., 2016.

classifying crimes, sentencing and carrying out individual work with the convicted murders during their term of punishment.

Key words: crime, murder, murderers, personality, motives, typology, types of personality, the convicted.

Как известно, типология является одним из главных методов научного познания, в том числе в криминологии. В отличие от классификации, типология даёт возможность глубокого проникновения в природу и причины изучаемых явлений, понять личность преступника, его мотивы и мотивацию преступного поведения, вскрыть его причины.

Убийцы представляют собой особый криминологический, то есть социальный и психологический тип, точнее – подтип преступника вообще. Но убийцу можно назвать именно особым криминологическим типом, поскольку он совершает особо опасное преступление, лишая жизни другого человека. Такие преступники всегда вызвали повышенный интерес и бурные, острые эмоции: неприязнь, гнев, ненависть, страх и т.д. Но наряду с этим – и жгучий интерес, желание узнать и понять, что представляет собой убийца и убийство, каковы его причины. Названные эмоции испытывали и первобытные люди, особенно страх. Это был страх не столько перед убийством и не столько перед тем, кто кого-то лишил жизни, даже если это было в бою и делалось для защиты рода или племени, сколько перед самой смертью: ведь убив, убийца соприкасался с ней и уже поэтому был опасен, а смерти боялись больше всего.

Убийца и убийство всегда возвышались над другими преступниками и преступлениями, но со временем общество постепенно привыкло к ним.

Современному убийце незачем, подобно Каину, бояться, что «всякий, кто встретится со мной, убьёт меня» (Быт, 4:14). Собственно, Бог поддержал этого убийцу и сделал ему знамение, чтобы никто не убил его. Люди давно смирились с убийцами, прежде всего державными.

Но всё-таки убийца – особый социальный и психологический тип. Его характеризуют больше, чем у других преступников, дезадаптация, паранойяльность, тревожность, эмоциональность и импульсивность, особое отношение к смерти, чужой и своей, смерти вообще. Убийцы редко раскаиваются в совершённом преступлении, хотя, казалось бы, само содеянное особенно должно стимулировать их покаяние: здесь, разумеется, действуют особые механизмы психологической защиты. На поведение убийц и других преступников в этом плане действует также особая духовно-нравственная атмосфера в обществе, в котором покаяние и признание своих ошибок не пользуется никакой поддержкой и не принимается.

Дезадаптация убийц представляет собой их значительную дистанцию от общества и его ценностей, прежде всего – строгих моральных запретов, особенно возможности посягательства на жизнь другого человека. Дезадаптация подобных преступников проявляется в том, что среди них меньше, чем в популяции, лиц с законченным средним и высшим образованием, имеющих постоянное место жительства и работы, проживающих с семьёй.

Вместе с тем, убийцы далеко не однородны, среди них встречаются самые разные люди, и действуют они по разным мотивам. Поэтому уже давно возникла проблема типологизации этих преступников, причём такой, которая позволила бы понять субъективные причины таких посягательств на личность, а следовательно, и личность самого преступника.

Полагаем, что можно выделить следующие основные типы убийц.

1. Хулиганствующий. Это один из основных типов убийц, убийцы-хулиганы встречаются достаточно часто. Убийство оказывается органически вписанным в хулиганские действия в целом, является их частью, причём может быть, по представлению или намерениям убийцы, не самой главной. Оно им расценивается в том или ином качестве в зависимости от того, насколько служит основной цели хулиганских действий – нарушению, ломке общественного порядка, общественного спокойствия.

Очень часто убийца не знает своей жертвы. Он убивает первого попавшего ему под руку, и для него главное – убить, а не «свести с ним счёты». Всё это важно подчеркнуть, так как сам преступник обычно находится в нетрезвом состоянии и потому часто не помнит, что он сделал и почему.

Мотивы хулиганских убийств полнее всего могут быть понятны, если исследовать их в контексте самого хулиганства, его мотивов [5]. Чаще всего мотивами хулиганства является самоутверждение и утверждение себя в глазах малой группы. Но в рамках хулиганских действий, маскируясь под них, возможно учинение убийства по другим мотивам, например корыстным или некрофильским [6]. Ни в коем слу-

чае нельзя называть хулиганскими мотивами всё то, что непонятно. Профессинал, даже практический работник, должен определять мотивы преступных действий. Их понимание необходимо строить не только и не столько из самих преступных действий, а из самой личности преступника и прожитой им жизни, из его отношений с жертвой. Возможно, здесь понадобится помощь специалиста-психолога.

2. Некрофильский. Прежде всего, следует пояснить, что означает сам термин «некрофил». Он образован Р. Краффт-Эбингом от греческого слова «nekros», что означает *труп, нечто мёртвое, неживое*, а также *«жителей» захробного мира*.

В научном обороте **некрофилия** представляет собой влечение, тяготение к смерти, ощущение её постоянной близости и определяющего влияния на личность. Любовь к ней, признание её решающей роли в жизни.

Несексуальная некрофилия – это убийство ради убийства, ради того, чтобы приблизиться к смерти, соприкоснуться с ней, увидеть переход от жизни к смерти, наконец, насладиться убийством, показать свою силу и смелость, «создать» мертвеца.

Речь, собственно, идёт о некрофилии как мотиве убийства [1; 2; 4]. Это достаточно распространённый мотив, но следователи, прокуроры и судьи ничего не знают о нём, потому что их этому не учили. Вот почему убийства по непонятным мотивам обычно квалифицируют как совершённые из хулиганских побуждений. Следовательно, могут быть убийства ради убийства. Большинство многоэпизодных и серийных убийц можно расценивать в качестве некрофилов.

Некрофилия проявляет себя в качестве мотива агрессии ещё в одном виде поведения – самоубийствах. Некоторыми самоубийцами смерть предощущается такой близкой, понятной, с её помощью можно решить жизненно важные проблемы. Для самоубийц это всегда выход из положения, и в самых тяжёлых для них обстоятельствах они знают, что этот выход у них всегда есть.

Итак, существует пять видов (типов) некрофилии:

1) *сексуальная некрофилия*. Это сексуальная связь с трупом. Собственно, этот термин первоначально стал предлагаться Р. Краффт-Эбингом именно потому, что он зафиксировал сексуальное влечение к мертвецам;

2) *несексуальная некрофилия*, проявляющаяся в желании находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему, расчленять мёртвое тело (по Э. Фромму);

3) *некрофилия как мотив убийства*;

4) *некрофилия как мотив самоубийства*, причём самоубийство вполне может сочетаться с убийством;

5) *социальная (общесоциальная) некрофилия* как особое отношение к смерти для достижения своих эгоистических, корыстных, политических и иных лично значимых целей.

Человечество биофильно, о смерти думают главным образом старики и тяжелобольные, а стремятся к ней лишь те, кто особо будет выделен в этой части методического пособия. Тем не менее, смерть имеет над человечеством необычайную власть. Она всегда была для человека первостепенной загадкой и тайной, в которую он не проник и, возможно, не проникнет никогда. Смерть во всём её многообра-

зии является одним из самых мощных источников религии, мистики, мифологии, сказок и, конечно, искусства. Существенная часть мифов прямо или косвенно посвящена именно ей.

Жизнь предстала перед человеком во всём своём богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причём даже при наличии веры в загробную жизнь. Эта вера, даже самая искренняя, имела один весьма существенный изъян: в тёмных глубинах психики всё-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющ и в том смысле, что смерть наступала не только человека, но и всё остальное живое.

Страх смерти – это постоянное ощущение, таящееся в глубинах психики, неизбежного небытия, несуществования, некоего обрыва, за которым не следует ничего. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, кто верит в загробную жизнь, причём в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичных позиций у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь, незримо сопровождая человека и незаметно влияя на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего – в результате эмоционального отвержения родителями своего ребёнка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за рамки. Тогда личность начинает острее ощущать угрозу ско-

рой гибели и необходимость что-то предпринять, например, упреждающие насильственные действия. Важно отметить, что острота угрозы далеко не всегда выражается только в том, что индивид начинает чаще думать о неизбежной кончине, ищет и находит предвестников, лишь определённым образом объясняет некоторые приметы и события, постепенно подчиняя подобным предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Повышенный страх смерти может создавать соответствующую личностную диспозицию высокой тревожности и негативных ожиданий, причём самому человеку чаще всего не ясно, откуда следует ждать беды; появляется общая неуверенность в себе, в своём бытии, боязнь утраты себя, своей целостности и определённости, даже права на существование. Субъект с повышенной тревожностью совсем иначе видит мир, воспринимает внешние воздействия. У таких людей бессознательная борьба с угрозой жизни способна преодолеть любые нравственные преграды.

Именно поэтому, зная о таких преградах, человек не воспринимает их и не принимает во внимание. Конечно, в принципе возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх и общую неуверенность в себе и своём месте в жизни. Однако чаще всего этого не проис-

ходит, и поэтому преступное насилие отчуждённых личностей становится реальностью. Современное воспитание является неэффективным и по той причине, что оно, в частности, не даёт возможности преодолеть страх смерти и тревожность в целом.

Изложенное позволяет считать, что защита своего бытия, своего «Я» является глубинным личностным смыслом большинства убийств вообще и сексуальных в частности. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, что какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие.

Всё это, прежде всего, относимо к убийцам, сексуальным – в том числе, которых отличают импульсивность, ригидность (застраиваемость аффективных переживаний), подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях. Они бессознательно стремятся к психологической дистанции между собой и окружающим миром и уходят в себя. Эти данные можно интерпретировать как глубокое и длительное разрушение отношений со средой, которая начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека [3]. С этим, несомненно, связаны подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, непонимание среды, что повышает и поддерживает тревожность и страх смерти.

Жестокость при совершении серийных убийств тоже берёт своё начало в страхе смерти. Поэтому жестокость выступает в качестве средства, а также

неистового протеста против того, что какие-то поступки другого лица могут показать сексуальную, эротическую несостоятельность виновного и тем самым снизить его самооценку. При этом сексуальное отвержение не следует понимать узко, лишь в смысле отказа от половой близости. Уход, например, любимой жены – тоже проявление такого отвержения, и оно может означать полную катастрофу для мужа, особенно если она несла основную нагрузку в его социально-психологических связях с окружающим миром. Не менее болезненны случаи предпочтения одного мужчины перед другим.

3. Террористический. Террор (терроризм) весьма разнообразен. Он имеет сложную внутреннюю структуру, которая предопределяет разнообразие (в смысле возможностей, способностей, умений, навыков) участвующих в них лиц. Террористические убийства всегда направлены на чьё-то устрашение, достижение какой-то цели, в том числе с помощью убийства. Учитывая названные обстоятельства, террористическая группа (она может быть малой, но нередко и огромные, даже сверхогромные образования наподобие гитлеровской Германии или арабского «Исламского государства») совершает такие убийства, которые в наибольшей степени отвечают её целям и направленности.

Жертвами террористического убийства может быть множество людей, но не исключена расправа с конкретным человеком, как это было, например, с убийством П.А. Столыпина.

Террористы используют самое разнообразное оружие, взрывчатые вещества, стрелковое оружие, даже мотыги, как это было, например, в Кампучии.

Самое страшное, если они завладеют ядерным оружием, что ни в коем случае не следует исключать.

Террористические убийцы обычно движимы ненавистью к «другим» – другому этносу, другой религии, другой стране, иногда, но реже, – ко всему миру, всему движущемуся и живому. Поэтому террористу чаще всего безразлично, кто будет его жертвой. Если ею будет женщина или ребёнок, то это его тоже не остановит.

Нередко террорист заинтересован в том, чтобы иметь жертвы среди своего народа или исповедующих ту же религию, поскольку это даёт ему основание для разжигания «священной войны» и совершения террористических убийств. Вина потерпевших, была ли она вообще, его совершенно не интересует.

Например, в годы так называемой «Великой французской революции» убивали только в силу принадлежности к дворянству или духовенству. Примерно то же самое было после того, как большевики захватили власть: они убивали дворян, священников, предпринимателей, кулаков. Можно сделать вывод, что из всех видов терроризма самым страшным является государственный, включая сюда и геноцид.

Особое место среди убийств, совершаемых террористами, занимают те, которые совершены террористами-самоубийцами. Их находят среди фанатиков-верующих, обычно – исламистов, которые знают об исламе и Коране очень мало, а если знают, то искажают его смысл; женщин, занимающих в мусульманском обществе подчинённое положение, а поэтому слепых следующих указаниям мужчин; детей

и подростков, очень внушаемых в силу возраста.

Как показали наши эмпирические исследования некрофильских личностей убийц, их отличает большая лёгкость совершения убийств даже нескольких человек, которое у них никогда не сопровождается действительным сожалением о содеянном, самоупрёком или раскаянием; сам момент причинения смерти не вызывает негативных эмоций в виде испуга, отвращения, страха, сострадания и т.д. Напротив, некоторые убийцы испытывали от совершённого радость, расслаблялись, их охватывали приятная истома и покой, они могли спать после содеянного много часов, иногда почти сутки. Некрофильские убийцы ничего или почти ничего не могут сказать о том, как поступала или что говорила жертва в момент убийства, особенно если она не оказывала или не могла оказать сопротивления.

Длительные беседы с такими преступниками показали, что они ощущают своё особое назначение, воспринимают себя исполнителями особой миссии, считают, что не похожи на других людей. Подобное ощущение поднимает их в собственных глазах, не оставляя места для сожаления и чувства вины. Конечно, они не считают себя ущербными или неполноценными. То, что содержанием их миссии является убийство, их совершенно не смущает, поскольку, в отличие от подавляющего большинства людей, они не видят в этом повода для осуждения. Экстраординарное состояние сознания, которое испытывают некоторые из них, убеждает их в своей избранности.

Некрофильское убийство, поскольку убийца стоит на грани между жиз-

нью и смертью, а само оно в наиболее полной форме выражает движение к последней, является одним из способов связи между этими важнейшими сферами. Люди издревле искали такую связь, пытаясь заглянуть в небытие. Идолопоклонники Сирии и Иудеи ждали предсказаний от убиваемых ими детей, сообщает Э. Леви в своей «Истории магии». Они верили, что последние крики их жертв могут дать им необходимую информацию.

Анализ материалов о смертниках делает возможным предположить у них наличие следующих качеств, аналогичных тем, которые выявлены у некрофильских убийц:

- полное отсутствие психологической идентификации с жертвами; они никогда не думают о них, не жалеют их, не способны сочувствовать им;
- ощущение своего особого назначения, своей избранности в связи с исполнением чрезвычайно важной и почётной миссии;
- бессознательное влечение к смерти, в которой они видят не небытие, а некий рубеж, за которым начинается новое существование, гораздо более счастливое и радостное;
- восприятие смерти, своей и чужой, не как наивысшей катастрофы, а как переход в новое бытие, как решение очень актуальной и сложной проблемы.

Не только для многих примитивных народов, но и для современных верующих, в том числе христиан и мусульман, даже для богословских философов (С. Кьеркегор), человек умирает лишь для мирской жизни, что не является важным, поскольку жизнь представляется лишь звеном в череде переходов и превращений. Смерть оз-

начает начало духовного возрождения, что и имеет наивысшую ценность, хотя страх смерти присутствует всегда, и его не способна устранить ни одна религия. Но человек ни в коем случае не должен останавливаться, его задача – двигаться вперед. Постоянное движение даже в смерти является важным условием загробного существования, а сама смерть – непременным его началом. Следовательно, к смерти можно и нужно стремиться.

4. Садистский. Этот тип убийства отличается тем, что ему предшествуют страдания и мучения жертвы, или само убийство совершается не сразу, а путём более или менее длительных мучений, издевательств, пыток и т.д.

Садизм весьма разнообразен, особенно учитывая то, что он существовал всегда, хотя сам термин «садизм» создан лишь в XIX в. выдающимся немецким психиатром Р. Крафт-Эбингом по имени маркиза де Сада, в произведениях которого подробно описан этот вид перверсии. Сначала *садизм* использовался в сексопатологическом плане, а затем стал применяться очень широко – социологии, психологии, психиатрии, журналистике, разговорной речи, праве, криминологии и т.д. Перечислить все виды садизма практически невозможно.

Э. Фромм писал, что садизм и мазохизм как сексуальные извращения представляют собой только малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом. Несексуальное садистское поведение проявляется в том, чтобы найти беспомощное и незащищенное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни. Военнопленные,

рабы, побеждённые враги, дети, больные (особенно умалишённые), те, кто сидят в тюрьмах, незащищенные цветные, собаки – все они были предметом физического садизма, часто включая жесточайшие пытки. Начиная от жестоких зрелищ в Риме и до практики современных полицейских команд, пытки всегда применялись под прикрытием осуществления религиозных или политических целей, иногда же – совершенно открыто ради увеселения толпы. Римский Колизей – это, на самом деле, один из величайших памятников человеческого садизма [7, с. 247].

Относительно связи садизма с сексуальной жизнью человека Э. Фромм отмечал, что многие страсти человека только потому и неразумны, что они ему (как и другим) несут не пользу, а вред и мешают нормальному развитию. Тот, кто руководствуется разрушительными влечениями, вряд ли может оправдать себя тем, что он имеет право крушить всё вокруг, ибо это соответствует его желаниям и доставляет наслаждение. Сторонники садистских извращений могут на это ответить, что они вовсе не выступают в защиту жестокости и убийств; что садизм только один из способов сексуального поведения, что этот способ не лучше и не хуже других, ибо «о вкусах не спорят»... Но при этом упускается из виду один важнейший момент: человек, который, совершая садистские действия, достигает сексуального возбуждения, обязательно является носителем садистского характера, т.е. это настоящий садист, человек, одержимый страстью властвовать, мучить и унижать других людей. Сила его садистских импульсов проявляется как

в его сексуальности, так и в других несексуальных влечениях. Жажда власти, жадность или нарциссизм – все эти страсти определённым образом проявляются в сексуальном поведении [7, с. 246].

Разумеется, садистом может быть человек, который не сам причиняет боль и страдание другим людям непосредственно, но может это делать через других людей, подчинённых ему. Иными словами, такой садист руководит социальной, чаще – государственной, машиной, чтобы удовлетворить своё влечение к причинению мучений другим. И в этом случае он мстителен, но объектом его мщения становится не конкретный человек, а люди вообще либо какая-то их социальная группа. Так, нацисты преследовали евреев, а большевики – контрреволюционеров и антисоветчиков. Подобные ненавистники опаснее всех других, даже тех, кто очень жестоко измывается над одним человеком.

Э. Фромм указывал, что человек садистского типа не хочет губить того человека, к которому он привязан, но так как он не может жить собственной жизнью, то должен использовать партнёра для симбиотического существования [8, с. 53]. Вообще, Фромм принадлежит к числу тех мыслителей, которые внесли наиболее существенный вклад в разработку теории садизма и некрофилии.

Так, он считал, что *сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребёнок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытывать боль или унижение, когда этот*

кто-то не имеет возможности защищаться, – это проявление абсолютного господства... Тот, кто владеет каким-либо живым существом, превращает его в свою вещь, свое имущество, а сам становится его господином, повелителем, его Богом... Садизм – это злокачественное образование. Абсолютное обладание живым человеком не даёт ему нормально развиваться, делает из него калеку, инвалида, душит его личность... [8, с. 53]. В большинстве общественных систем представители даже самых низших ступеней социальной лестницы имеют возможность властвовать над более слабым. У каждого в распоряжении есть дети, жёны, собаки; всегда есть незащитные существа; заключённые, бедные обитатели больниц (особенно – душевнобольные), школьники и мелкие чиновники.

В любом случае садизм порицаем, а в наиболее жестоких проявлениях уголовно наказуем. В обыденных своих проявлениях он создаёт лишь иллюзию всемогущества, но когда садист захватывает высшую государственную власть, это уже не иллюзия, а зловещая (и преступная) реальность, при которой возможность творить зло поистине безгранична. Фромм, несомненно, прав, что все садисты – это духовные уроды. Такими были Калигула, де Рэ, Сталин и другие фигуры из бесконечного ряда садистских личностей, обладающих властью, такими же являются домашние и чиновные тираны, получающие наслаждение от унижений и преследований других людей.

Фромм справедливо предупреждал, что было бы опасным упрощением выделять только две группы – садистских дьяволов и несадистских святых. Всё дело в интенсивности садистских

наклонностей в структуре характера каждого индивида. Есть много людей, в характере которых можно найти садистские элементы, но которые в результате сильных жизнеутверждающих тенденций остаются уравновешенными; таких людей нельзя причислять к садистскому типу. Нередко внутренний конфликт между обеими ориентациями приводит к особенно острому неприятию садизма, формированию «аллергической» установки против любых видов унижения и насилия. Существуют и другие типы садистического характера. Например, люди, у которых садистические наклонности, так или иначе уравновешиваются противоположными влечениями; они могут получать определённое удовольствие от власти над слабым существом, но при этом не принимают участия в настоящих пытках [7, с. 253].

У лиц, полностью захваченных садистской агрессией, нет морали, есть лишь правила жизни, обеспечивающие достижение их целей. Садист представляет собой полное отрицание морали, у него есть некие побуждения, он вроде бы знает, что должен делать, но даже не подозревает, ради чего. Он отвечает только перед самим собой, другие для него существуют лишь постольку, поскольку они способны удовлетворять его агрессивные стремления или способствовать их реализации. Он издевается над ценностями других людей и вообще над моралью, являясь самым циничным и активным её отрицателем. В каком состоянии находится общество – для него, на первый взгляд, безразлично, но на самом деле это далеко не так. Ему нужны беспорядок и (особенно) такая атмосфера, когда, казалось бы, незыблемые ценно-

сти и нормы решительно отброшены, декларируется новая нравственность. Поэтому он так любит революции, перевороты, катастрофы и войны, при которых можно в полной мере проявить агрессивность и жестокость, в стенах или концлагере, в разбоях или убийствах. Садизм – это особое состояние личности, управляющее ею. Для садиста все другие живые существа есть лишь вещи, которые находятся в его полном подчинении либо над которыми он хотел бы властвовать.

Садистские убийства имеют место в нашей повседневной жизни при совершении разбойных нападений, изнасилований, в результате семейно-бытовых конфликтов и др. Иногда надругательства над уже убитым человеком квалифицируются как действия с особой жестокостью. Здесь, конечно, никакого садизма нет, потому что мёртвому невозможно причинить страдания и мучения.

5. Корыстолюбивый. Этот тип объединяет множество корыстных убийц, особенно если корысть и корыстолюбие понимать расширенно. Мотив соответствующего преступления нужно воспринимать не только как захват материальных благ, прежде всего денег, но и авторитета, власти, удовлетворения своих амбиций. Это не только общеуголовные корыстные убийства, совершаемые во время разбойных и бандитских нападений, семейно-бытовых конфликтов и т.д., но и те, которые имеют место во время войн в отношении военнопленных и мирного населения, концлагерях, тюрьмах и др. Иными словами, убийства из корысти могут быть как делом рук бандитов, так и государственных тиранов.

Такого рода преступников отличает высокая тревожность, но, в отличие от других преступников, она у них ровная, в большинстве случаев без эмоциональных всплесков, особенно если убийство готовится заранее, или они являются наёмными профессиональными убийцами.

Общуголовые убийцы, обычно находясь в нетрезвом состоянии, часто не намерены убивать, а лишь нанести некоторые телесные повреждения, пусть даже и серьёзные. Орудуют чаще не оружием, а предметами, которые можно использовать для нанесения тяжкого вреда другому: топорами, камнями, кухонными ножами, предметами мебели и т.п. Особенно же опасны вооружённые банды, нападающие на банки, ювелирные магазины, инкассаторов.

Вообще, в стране увеличилось количество вооружённых нападений, а убийство стало привычным способом решения экономических и даже политических задач. Поэтому появились, точнее – получили дальнейшее развитие, типы профессионального убийцы и члена организованной преступной банды, который используется для расправы над неугодными.

Что касается насилия в политике, то в этом нет ничего нового. В СССР, как и в других тоталитарных странах (Германия, Италия, Китай и др.), убийство всегда было повседневным орудием политики, хотя в некоторых случаях облекалось в лживые одежды судебных решений. В.В. Ульриха и А.Я. Вышинского вполне можно зачислить в ряды профессиональных убийц, а их корысть состояла в достижении или закреплении за ними высокого должностного положения со всеми вытека-

ющими отсюда материальными благами. Следует отметить, что Гитлер в отличие от Сталина почти не прибегал к судебным расправам над политическими противниками, особенно после провала процесса над поджигателями рейхстага, он «просто» убивал их.

Нет сомнений, что большинство или почти все корыстные убийцы, особенно из числа политических и профессиональных, относятся к числу некрофильских.

6. Ревнивый. Этот тип личности убийцы берёт своё начало в животном мире, когда движимые инстинктами самцы сражаются с другими самцами за самок. За многие тысячелетия этот инстинкт приобрёл вполне цивилизованный характер как одно из самых глубоких чувств, прибавив к себе ещё соперничество женщин за мужчин. Не случайно тема ревности стала одной из самых распространённых в искусстве и литературе, а Отелло – синонимом ревности. Правда, А.С. Пушкин утверждал, что Отелло не ревнив, а доверчив, но это очень неверно: шекспировский герой был именно ревнив, подозрителен, мнителен.

Вместе с тем, очень часто за ревность принимают чувствования и переживания, которые не имеют к ревности никакого отношения. Например, принято считать, что Карандышев в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» убил Ларису Огудалову из ревности. Её убийство произошло по другой причине: она предпочла Карандышеву, жалкому, ничтожному чиновнику богатого и блестящего Паратова, тем самым нанеся первому тяжкое унижение, показав ему его истинное место. Карандышев был тяжко оскорблён.

Лица, убивающие из ревности, отличаются подозрительностью, ри-

гидностью, мстительностью и даже паранояльностью, одержимостью одной эмоцией, склонностью к непродуманным решениям и действиям, склонны доверять различным слухам и домыслам.

В ситуациях ревности действительно иногда можно отметить элементы унижения, когда предпочитают более богатую (богатого), более удачливую (удачливого), молодую (молодого) и т.д. Часто супружеская или иная измена имеет место не в результате более или менее холодного расчёта, по любви или минутному увлечению, а иногда «просто так», из-за легкомыслия, распушенности, нежелания сдерживаться и т.д.

7. Мстящий. Этот тип близко при-мыкает к ревнивому и может содержать в себе элементы садизма, некрофилии и хулиганства. Совершенно невозможно привести перечень факторов (обстоятельств, ситуаций), которые могли бы стать причиной, поводом или предлогом вместе. Они лежат в области государственных, общественных, политических, личных и иных взаимоотношений. Убийства часто зависят не от оскорбляющего, не от объективных обстоятельств, а от личности и воспринимающего.

8. Непредумышленный. Этот тип составляют те, для которых совершённое ими убийство было неожиданностью. Их можно, как минимум, разделить на два подтипа:

- те, которые совершили убийство в силу сложившихся обстоя-

тельств, например, тяжкого оскорбления со стороны жертвы, доселе ему незнакомой; в случае открывшейся ему измены любимого человека и другие преступления;

- те, которые в принципе могут использовать служебное оружие, но вовсе не готовившиеся убивать, например, при превышении пределов необходимой самообороны или при превышении мер для задержания лица, совершившего преступление.

Следует помнить, что представители этих двух последних типов убийц – «ревнивых» и «непредумышленных» – представляют собой как личности меньшую общественную опасность.

Здесь перечислены только те типы убийц, которые мы считаем основными. Вполне возможно существование и иных, которые послужат удачным дополнением к вышеназванным.

Типология любых категорий преступников обязательна, они, как и все люди, не схожи друг с другом, хотя некоторые общие черты у них всех есть.

Типология личности убийц совершенно необходима для расследования преступлений, построения следственных версий, тактики допроса, правильной классификации преступлений, определения наказания. Особенно она важна при исполнении наказаний, когда осуществляется индивидуальная работа с осуждённым, которая неизбежно должна носить психотерапевтический характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонян Ю.М. Некрофилия: психолого-криминологические и танатологические проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
2. Антонян Ю.М. Некрофильские убийцы // Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 7 (116). С. 200–224.

3. Антонян Ю.М. Психологические особенности убийц и причинивших тяжкий вред здоровью // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 143–149.
4. Антонян Ю.М. Садизм и некрофилия в механизме совершения убийств // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 195–200.
5. Антонян Ю.М., Еркубаева А.Ю. Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 129–132.
6. Антонян Ю.М., Могачев М.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ убийств, совершённых при отягчающих обстоятельствах (по материалам эмпирического исследования) // Уголовное право. 2013. № 4. С. 109–115.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.: ил.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.

REFERENCES:

1. Antonyan Yu.M. Nekrofiliya: psikhologo-kriminologicheskie i tanatologicheskie problemy: monografiya [Necrophilia: Psycho-Criminological and Thanatological Problems: monograph]. M., Yurlitinform, 2016. 240 p.
2. Antonyan Yu.M. Nekrofil'skie ubiitsy [Necrophilic killers] // Moskovskii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2016. No 7 (116). Pp. 200–224.
3. Antonyan Yu.M. Psikhologicheskie osobennosti ubiits i prichinivshikh tyazhkii vred zdorov'yu [Psychological characteristics of murderers and those who caused serious bodily injuries] // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2015. No 2 (10). Pp. 143–149.
4. Antonyan Yu.M. Sadizm i nekrofiliya v mekhanizme soversheniya ubiistv [Sadism and necrophilia in the mechanism of killing] // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2011. No 6. Pp. 195–200.
5. Antonyan Yu.M., Erkubaeva A.YU. Prestupleniya iz khuliganskikh pobuzhdenii: ob'asnenie i motivy [Hooliganism: explanation and motives] // Obshchestvo i pravo. 2014. No 2 (48). Pp. 129–132.
6. Antonyan Yu.M., Mogachev M.I. Ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz ubiistv, sovershennykh pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh (po materialam empiricheskogo issledovaniya) [Criminal law and criminological analysis of murders committed under aggravating circumstances (empirical study)] // Ugolovnoe pravo. 2013. No 4. Pp. 109–115.
7. Fromm E. AnATOMiya chelovecheskoi destruktivnosti: Perevod / Avt. vstup. st. P.S. Gurevich [Anatomy of Human Destructiveness: Translation / Ed. introd. article by P.S. Gurevich]. M.: Respublika, 1994. 447 p., il.
8. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. M., Progress, 1990. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонян Юрий Миранович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Института экономики, управления и права Московского государственного областного университета, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник МВД РФ;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury Miranovich Antonyan – the Leading Researcher of Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Honored Researcher of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Антонян Ю.М. Типология убийц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. №3. С. 15–28.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-15-28

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Antonyan Yu.M. The Typology of Murderers // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Law. 2016. №3. P. 15–28.
DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-15-28